

И. Г. Блюмин. Суб'ективная школа в политической экономии. Том I. Австрийская и англо-американская школы. Том II. Математическая школа. Изд. Комм. Академии. 1928 г.

Работа И. Г. Блюмина обогащает нашу теоретическую литературу капитальным исследованием — капитальным не только по объему (оба тома составляют 700 страниц убористого текста), но и по основательности обработки материала и по глубине теоретического анализа. Прежде всего, книга Блюмина восполняет зияющий пробел в марксистской литературе. Критика „суб'ективной школы“ — если пользоваться терминологией автора — у нас была представлена до сих пор только работой Бухарина, посвященной „австрийцам“ да еще парой статей школьного характера на ту же тему. Математическое и „англо-американское“ направление у нас не подвергалось сколько-нибудь „развернутому“ марксистскому анализу. Наоборот, на русском языке мы имели только апологетическую литературу, посвященную этим школам. Таковы произведения Билимовича, Шапошникова, Юровского и др. Таким образом, по верному замечанию Блюмина, его работа является „первой вылазкой“ на фронте борьбы с господствующими направлениями современной буржуазной экономии.

Автор проработал очень большую обширную литературу монографического и журнального характера, главным образом, первоисточников. В критике виднейших представителей разбираемых направлений он сумел сохранить самостоятельность, используя в то же время богатый арсенал аргументации „pro“ и „contra“, которая выдвигалась самими буржуазными экономистами в их взаимной полемике.

И. Блюмин дает в своей работе прежде всего обобщенную социологическую характеристику суб'ективной школы. Несмотря на различие оттенков, на крупные различия в методах и выводах, все направления, объединяемые им под именем суб'ективизма, имеют, по его мнению, крупнейшие общие черты, свидетельствующие об одинаковых социально-экономических корнях. Это — теоретическая экономия монополистического капитала. Отсюда — подход с точки зрения суб'екта, воздействующего на меновой процесс, отсюда — смешение рыночного и натурального, товарного и организованного хозяйства, отсюда — преобладающая предпосылка о неизменности запасов потребительских или производительных благ, отсюда — „примат“ спроса и тенденции к замене теории ценности теорией равновесия спроса и предложения, отсюда, наконец, учение о „максимуме полезности“, о принципе „предельности“ и т. д. Таким образом, И. Блюмин расходится с распространенной у нас концепцией, согласно которой суб'ективная экономия представляет собою „политэкономиию рантье“, экономиию чистого потребителя.

Преобладания суб'ективно-психологических элементов в австрийской школе Блюмин объясняет стремлением экономистов этой группы создать последовательную систему, способную противостоять марксистской экономии и выполнять классовую задачу буржуазии на идеологическом фронте. Эволюция суб'ективной школы совершается, по его мнению, в сторону убывания психологических и нарастания рыночных элементов в системе. Эта эволюция получает свое завершение в теории Парето,

который целиком отходит от психологизма и достигает высшего пункта своего развития, и Вальраса, являющегося признанным главой математической школы. Промежуточное место занимает англо-американская школа.

Внешним образом эта школа выражается в перемене метода и в превращении категорий. От анализа потребности экономисты переходят к анализу спроса, от „предельной полезности“ к „максимальной оценке“, от натуралистической к ценностной формулировке законов Госсена. Но вместе с этим вскрываются внутренние противоречия субъективной школы, выступает наружу „логический круг“ — объяснение оценок из цен, который в скрытом виде существует у самых крайних субъективистов. Отсюда переход от каузального к функциональному методу, возведение „нужды“ в „добродетель“, логический круг превращается у математиков в единственно-научный метод исследования. Именно потому, что это — круг, он позволяет построить число уравнений, равное числу неизвестных. Таким образом, объяснение явлений заменяется их вычислением. Увенчанием всего этого процесса является система Касселя, решительно порвавшего с традицией и заменившего ценность ценой.

Включение момента производства в экономическую систему также проходит ряд этапов. У австрийцев производство носит подчиненный характер, ценность производительных благ является простым отражением ценности потребительских благ, у математиков они приобретают более самостоятельный характер, как редкие блага, у англо-американцев производственные факторы входят как равноправный элемент, издержки производства превращаются во „второе лезвие ножниц“ (Маршалль), теория „спроса и предложения“ дополняется теорией „издержек производства“.

Монополистические черты представлены во всех трех системах, но наибольшее развитие они получают у математиков, где законы товарного хозяйства сплошь и рядом подменяются законами организованного хозяйства.

Методологи математической школы подвергаются у Блюмина самостоятельному анализу. Он приходит к выводу, что математический метод в известных границах и при обязательном учете качественной стороны явлений вполне применим к экономическому исследованию с точки зрения марксизма. Но в буржуазной экономике этот метод вступает в непримиримое противоречие с ее субъективной основой (в вопросах соизмеримости, непрерывности и проч. экономических явлений). Это противоречие с наибольшей наглядностью выступает в системе Джевонса. Отсюда — новый мотив, побуждающий субъективистов выбрасывать за борт психологические основы своей системы.

Если австрийская школа разобрана автором суммарно, en bloc, а англо-американская только в лице ее вождей Маршалля и Кларка, то математическая школа представлена наибольшим количеством имен: помимо общего вводного очерка второй том содержит в себе критические очерки о Курно, Дмитриеве, Госсене, Джевонсе, Вальрасе, Парето.

В нашей заметке мы, понятно, не имеем возможности входить в детальный разбор книги, который потребовал бы большой специальной статьи. Ограничимся только некоторыми отдельными моментами, которые, на наш взгляд, следовало бы выделить, в первую очередь, для критики.

Прежде всего, вопросы методологии.

Анализ австрийской школы в общем и целом удачен. Если до сих пор австрийцев изобличали, главным образом, в том, что они вносят натуралистический элемент в современное рыночное хозяйство, то Блюмин совершенно правильно вскрывает и другую прореху австрийцев: они

фальшивят и с точки зрения чистого натурализма и субъективизма, ибо все робинзонады австрийцев включают в себе более или менее замаскированный рыночный элемент (особенно там, где речь идет об исчислении ценности запаса благ).

Что касается математического метода и математической школы, то здесь наряду с правильной общей оценкой Блюмин допускает и некоторые ошибки. Непонятно то различие, которое Блюмин делает между элементарной и высшей математикой, допуская применение первой в марксистской экономике и считая применение второй „вопросом весьма спорным“. Высшая математика развивалась под влиянием потребностей технического развития и прогресса в изучении природы, который привел к идее непрерывных изменений. Между тем, в руках математико-экономистов она сделалась основой построения систем, исключающих движение и изменение. Это основное противоречие, а его Блюмин как раз и не отмечает, останавливаясь больше на частных моментах. Кроме того, в работе Блюмина совершенно недостаточно анализируется соотношение между функциональным и каузальным подходом к экономическим явлениям. На функциональной зависимости построена вся статика буржуазных экономистов, из которой Блюмин выбирает для критики только одно звено: постоянство запасов или производительных факторов. На функциональном методе базируется отрицание центральной идеи марксистской экономики — идеи трудовой ценности, а некоторые апологеты этого метода считают даже, что и сам Маркс должен был бы отказаться от своей теории, если бы он был ближе знаком с математическими уравнениями, которые, дескать, все разрешают с точки зрения спроса и предложения.¹ Конечно, этот недостаток исследования Блюмина отчасти покрывается подробным и в большинстве случаев удачным разбором самих построений экономистов-математиков, но об отсутствии обобщающей методологической критики все же приходится пожалеть.

Критикуя математиков по существу, Блюмин удачно вскрывает внутренние противоречия тезиса о так называемом „максимуме полезности“, под маской которого математики пытаются приписывать анархическому товарному хозяйству свойства организованной социалистической системы.

Отмечая тенденцию математиков изображать товарное хозяйство, как организованное, Блюмин недостаточно останавливается на другой тенденции, общей во всем представителям субъективной школы, — переносить категории буржуазной экономики в область социалистического хозяйства. Наибольшие подвиги в этом направлении совершает, как известно, Визер.

Вопрос о статике и динамике, занимающий такое большое место в построениях буржуазной экономики, автор затрагивает только мимоходом и освещает крайне поверхностно, главным образом, в связи с критикой теории Кларка. Между тем, едва ли в каком-либо другом отношении так четко выявляются застойные черты современной буржуазной экономики, как в этих поисках „статических систем“, с которыми отождествляется понятие об экономическом равновесии. Кларк, Шумпетер, Парето и др. начинают обычно с указания на необходимость расчленения предмета экономической науки на явления статики и динамики, обещающая рассматривать законы статики только как орудия динамического исследования.

Но когда дело доходит до выполнения обещаний, теория пасует и на сцену выступает „роль личности в истории“.

¹ См. L. Bortkiewitz. Wertrechnung und Preisrechnung in Marxschen System. Archiv für Socialwiss.—25 том, стр. 478—479.

Блюмин пытается показать, что с точки зрения марксистской теории статическая система может быть построена проще, т.-е. при меньшем количестве предпосылок, чем у Кларка. Но такая постановка вопроса глубоко неправильна, ибо марксовской теории совершенно чужда идея статики в том смысле, в каком она фигурирует у Шумпетера, Кларка и др. Обычно ссылаются на теорию простого воспроизводства, как например статического построения у Маркса, но, во-первых, сам Блюмин считает это не „общей“, а „специальной статической теорией“ Маркса, а, во-вторых, она у Маркса служит лишь методом изложения условий расширенного воспроизводства, в которых центр тяжести вопроса.

Но Блюмин допускает здесь еще и другую ошибку. Он считает, что с точки зрения Маркса единственным условием экономической статики должна была быть неизменная величина ценности, т.-е. технических условий производства; другие условия отпадают (т.-е. отпадает неизменная величина капитала, населения, потребностей, форм организации производства, соотношения крупных и мелких предприятий). „По Кларку, — говорит он, — уровень цен зависит от величины капитала, а по Марксу — нет. Точно также с точки зрения Маркса нет никакой необходимости в установлении неизменного характера и интенсивности потребностей. Изменение подробностей может лишь отразиться на величине спроса, но поскольку последний не влияет на величину ценности, изменения спроса являющиеся совершенно безопасными для статической системы“ („Суб'ективная школа“ т. I, стр. 200). Так ли это?

Если пользоваться голой механической аналогией, то такое представление могло бы иметь некоторые основания. Ценность есть центр тяжести всякой экономической системы. Из теории механики известно, что положение тела вполне характеризуется положением его центра тяжести и что можно вместо тела рассматривать его центр или вообще материальную точку, предполагая что в этой точке сосредоточена вся материя данного тела. Но экономия — не механика, и потому одна неизменность уровня техники отнюдь не гарантирует статического состояния при изменении прочих условий. Во-первых, изменения спроса неизбежно оказывают влияние на издержки производства, как это признает в другом месте сам автор (глава о Маршалле), вступая в противоречие с самим собою. Во-вторых, в том же направлении должно действовать и изменение величины капитала и населения. В-третьих, группировка предприятий не может остаться неизменной. Блюмин в другом месте указывает, что дифференциация предприятий есть продукт динамического процесса и что в условиях статического состояния различия должны исчезнуть, предприятия должны нивелироваться по уровню техники и пр. Но такая нивелировка означает изменение общего технического уровня (если только не делать совершенно произвольного предположения, что нивелировка пойдет по линии средних предприятий). С другой стороны — нивелировка предприятий вообще невозможна, ибо худшим предприятиям неоткуда взять добавочных средств, чтобы подтянуться к средним и лучшим, а эти своих сверхприбылей никому не уступят. Все это показывает, что с марксистской точки зрения статика — внутренне противоречивое понятие не в том смысле, в каком мы привыкли считать капитализм противоречивым состоянием, а в смысле невозможности самого этого состояния. Марксизм в отличие от буржуазных систем не знает статического равновесия и чужд понятию статики. Закон поступательного движения и условия равновесия этого движения — вот что составляет предмет марксистской теории (мы здесь отвлекаемся от вопроса, имеющего самостоятельный интерес, в каком смысле следует брать термин самый „равновесие“).

Блюмин очень много внимания уделяет вопросу о социально-экономических корнях или, как иногда выражаются, о социологическом эквиваленте суб'ективной школы. Этот вопрос настолько же интересен, насколько дает большой простор для всяких надуманных конструкций и упрощенных объяснений. Следует всегда иметь в виду те предостережения, которые давал по этому поводу Энгельс в своем известном письме к Конраду Шмидту. Буржуазная экономия, связанная самым непосредственным образом с классовыми интересами современного общества, имеет, тем не менее, одну общую черту с философией и друг. „высшими“ областями чистотой идеологии: это совершенно исключительное обилие систем „основ“ всевозможных „grundlegungen“, которых не знает ни одна наука. Все эти системы говорят сплошь и рядом не только на разных языках, но и о разных предметах.

Поэтому приходится с большими оговорками отнестись прежде всего к классификации, которую дает Блюмин. Суб'ективизм в разной степени объединяет тех экономистов, которые вошли в исследование автора. Напр., Курно можно отнести сюда с очень большой натяжкой. Если считать одним из важнейших признаков суб'ективизма примат потребительской ценности или полезности, то Курно сюда безусловно не относится, ибо он категорически заявляет, что на понятиях полезности, редкости, способности удовлетворять потребности никакой научной теории построить нельзя.¹ Если же важнейшим признаком суб'ективизма, как делает автор, считать такие методологические особенности, как предположение постоянства запасов (потребительских или производительных благ), естественной или искусственной монополии, выдвигание на первый план спроса и предложения и проч., то и в этом отношении расстояния довольно велики, напр., между Касселем, который наиболее последовательно проводит идею ограниченности, и Маршаллем, который ее рассматривает только, как частный вопрос. Центральная фигура математической школы — Вальрас, вопреки утверждению Блюмина, также завершает свое исследование анализом условий общественного прогресса, при котором рост капитала опережает рост населения. Теория спроса и предложения у математиков и англо-американцев сочетается с теорией издержек производства, особенно у Маршалля, который во многих отношениях является скорее продолжателем традиций английских вульгаризаторов классической школы, чем сторонником суб'ективизма в современном смысле.

Совершенно искусственна попытка сближения теоретиков предельной полезности и предельной производительности на той „платформе“, что у первых индивидуальное потребление организуется на тех же принципах, на каких предприниматель распределяет свои издержки между различными факторами производства. Это формальное сходство имеется, но оно не может перекрыть более глубокого различия, разделяющего потребительский и производственный подход. Ссылаться на то, что тут и там действует „суб'ект“, недостаточно, ибо ведь основной вопрос сводится именно к содержанию этой суб'ективной деятельности.

Если „суб'ективная школа“ в том „сборном“ значении слова, в котором она фигурирует у Блюмина, выражает идеологию буржуазии в эпоху монополистического капитализма, а это определение правильно, то не надо забывать, что сама буржуазия в эту эпоху не имеет вполне однородной идеологии, и черты мелкого рантье глубоко отличаются от психологии современного организатора треста, финансовый делец моргановского толка в свою очередь отличается от „чистого промышленника“

¹ Cournot, „Recherches“, etc. 1838 г. стр. 5.

фордовского типа, и т. д. И валить все в одну кучу нельзя: надо расчленять и различать.

Блюмин совершенно правильно подчеркивает, что некоторые черты экономических направлений, напр., австрийской школы, вытекают, так сказать, из внутренних потребностей самой теории создавать последовательную систему, могущую противостоять марксизму в условиях обостренной классовой борьбы. Но тут же противоречит самому себе, указывая, что декаданс австрийской школы вызван дальнейшим обострением классовой борьбы (?) и усилением монополий, которые ослабили стихийные факторы и этим подорвали почву для теоретического анализа (но ведь это тогда означает, что австрийская школа не выражает монополистической идеологии).

Совершенно напрасно автор игнорирует воздействие общего научного развития, воздействие методологии естественных наук на политическую экономию. А оно несомненно. Распространение математического метода (который в настоящее время все больше сливается с статическим в общую систему количественного эмпиризма) совершается не без влияния тех успехов, которые характеризуют развитие точного естествознания за последние десятилетия.

В заключение, несколько замечаний второстепенного характера. В книге Блюмина нет специальных очерков о Шумпетере и Ир. Фишере, которые во многих отношениях более показательны, чем, напр., Дмитриев. Мало внимания уделено также Касселю и Парето, которого следовало бы изложить подробнее хотя бы потому, что он наименее у нас известен. Госсена было бы более целесообразно поместить в первом томе, ибо он к австрийцам все же гораздо ближе, чем к математикам.

Библиографию следовало бы собрать в особом приложении в конце книги, по тому типу, как это сделано, напр., у Девонса или у Билимовича.

Работа Блюмина оставляет желать многого в отношении стиля, распределения материала и пр. Книга очень тяжеловесна — в прямом и в переносном смысле. Масса повторений: попадают целые страницы, повторяющие предыдущие страницы. Основное сплошь и рядом перемешано с второстепенными деталями.

Но как бы то ни было — сделано большое дело. Книга должна найти и найдет своего читателя.

А. Светлов

А. Леонтьев. Социалистическое строительство и его критики. ГИЗ, 1928 г., стр. 234. Цена 90 коп.

Книжка Леонтьева „Социалистическое строительство и его критики“ дает ряд ответов на весьма актуальные проблемы сегодняшнего дня. Она дает исчерпывающую критику попыток, правда, немногочисленных теоретиков — буржуазных и мелкобуржуазных специалистов, — видящих во всяком очередном затруднении нашем на хозяйственном фронте проявление правоты своей точки зрения и неправильности экономической политики диктатуры пролетариата. Они говорят, конечно, обиняками, недостаточно внятно, но факт тот, что каждое наше затруднение используется этими специалистами для очередной вылазки против самой системы, против всей совокупности экономических мероприятий соввласти. Подобно тому как в начале восстановительного периода в начале нэпа не было недостатка в прорицателях неизбежности краха нэпа, так и теперь нет недостатка в критиках реконструкции, начатой нами. В вос-

становительный период эти „теоретики“ проглядели социальные реконструктивные начала нашей экономики; они готовы были трактовать наш восстановительный период, как начало „реставрации“; они говорили не только о техническом восстановлении промышленности и сельского хозяйства, но и о социальном восстановлении, — о возврате к „некоей“ новой буржуазной форме производства. Теперь они пытаются в затруднениях реконструктивного периода увидеть именно те трудности, которые сорвут наше социалистическое строительство. Если в восстановительный период хозяйство СССР могло выдержать наши социально-реконструктивные устремления, то при реконструкции народного хозяйства наши затруднения будут более сложными, более острыми и поэтому не угодно ли принять их советы и пойти навстречу их советам...

Необходимо прибавить, что по внешности своей эти теории „реставраторов“ выглядят ужасно революционно: употребляют эти „теоретики“ марксистскую и советскую терминологию, а они могут с внешней стороны показаться весьма советскими. Но сущность их вовсе не советская.

Раскрытию сущности этих теорий советского хозяйства и посвящена книжка Леонтьева, который весьма удачно расшифровал этих советских экономистов, подвизающихся на страницах нашей печати и потихоньку и осторожно пропагандирующих свои взгляды.

Для характеристики концепции этих экономистов тов. Леонтьев приводит выдержки из произведений проф. Юровского, Кондратьева, Базарова, Огановского, Вайнштейна, Никитского, Каценеленбаума, Шапошникова, Соколова, Громана, Чалянова, проф. Хауке, Макарова и др. При буржуазном режиме значительное большинство их выступало бы, конечно, друг против друга, потому что каждый из них по своему образованию и по своему положению (о происхождении их мы умалчиваем) представлял различные классовые группы буржуазии. Но в приведенных тов. Леонтьевым отрывках из их статей на страницах советской экономической печати все они выступают против экономических мероприятий соввласти. „Из отдельных „кусочков“, рассыпанных по произведениям разных авторов, составляется довольно цельная „стопроцентная буржуазная“ программа экономической политики“ (стр. 220). Эта программа распадается, сказали бы мы, на программу-минимум и программу-максимум... „Прежде всего — изменение распределения народного дохода в пользу „крепких“ слоев города и деревни, сокращение заработной платы; свобода капиталистической эксплуатации, в первую очередь в деревне; отказ от принятого темпа развития народного хозяйства и прежде всего социалистической промышленности; иное распределение капитальных вложений, означающее фактический отказ от осуществления индустриализации... А на втором плане (разбивка наша. М. Г.) стоят уже меры более радикального значения: отмена национализации земли, отмена монополии внешней торговли, отказ от индустриализации или осуществление индустриализации на капиталистических началах“ (стр. 221).

Таков краткий перечень буржуазных и мелкобуржуазных вождельней некоторой части наших специалистов. Тов. Леонтьев весьма удачно систематизировал материал, популярно объяснил и сделал, таким образом, свою книжку необходимым пособием для каждого, кто изучает советскую экономику, и для каждого хозяйственника. Если к этому прибавить, что в книжке тов. Леонтьева затронуты и крупнейшие текущие проблемы нашего хозяйства, то значение книжки еще больше возрастает. В книжке имеются следующие разделы — главы: 1) о буржуазной критике социалистического строительства; 2) природа хозяйственной системы СССР; 3) проблемы планирования; 4) государственная власть в борьбе

за социализм; 5) темп и направление хозяйственного развития; б) к оценке путей развития советской деревни; 7) социалистическая или капиталистическая индустриализация. Именно теперь, когда напряженность всех почти звеньев народнохозяйственного аппарата становится неизбежным спутником реконструкции, необходима теоретическая и практическая бдительность над всякими попытками совлечь нас с правильного пути. Решения ноябрьского пленума ЦК, развивающие и дополняющие решения предыдущих пленумов ЦК, дают достаточно исчерпывающий ответ на вопрос, куда направлять дальнейшее развитие и рост нашего хозяйства. Борьба с правой опасностью во всех ее проявлениях должна быть наиболее решительной, поскольку правые элементы в нашей стране берут под обстрел наши достижения, наши стремления к дальнейшей индустриализации и реконструкции всего народного хозяйства, в том числе и сельского. Разъяснение основных лозунгов правых, откуда бы они ни исходили является актуальнейшей задачей. Это еще один довод и, пожалуй, самый важный, в пользу книжки тов. Леонтьева. Книжка эта должна стать настольной для каждого хозяйственника, экономиста и для каждого вузовца.

М. Гурвич

Я. А. Яковлев. За колхозы. Коллективное или кулацкое хозяйство. ГИЗ, 1928, стр. 175. Цена 70 к.

Рецензируемая книга тов. Яковлева является сборником ряда его работ, посвященных вопросу о путях развития нашего сельского хозяйства; путях его социальной и технической реконструкции.

Продовольственные затруднения заострили внимание советской общественности на вопросах под'ема сельского хозяйства. Коренная техническая реконструкция последнего стала одной из самых актуальных задач текущего момента. Наш строй дает нам ряд преимуществ для ее разрешения, но для этого нужен иной подход к проблеме технической реконструкции сельского хозяйства, чем тот, с которым выступают зачастую наши практики, некоторые наши ученые, глядящие на „старые святцы“, намечая перспективы развития сельского хозяйства. В этом практическом „реализме“ ученых по сути дела скрывается желание „навязать нам темпы и типы развития, с которыми навсегда было покончено в октябре 1917 года“ (стр. 170), — говорит тов. Яковлев. Вопрос о технической реконструкции сельского хозяйства надо ставить в органической связи с задачами коренного социалистического переустройства деревни. „Техническая революция в сельском хозяйстве в наших условиях неразрывно связана с коренной реорганизацией ее экономического уклада, с ростом производственного кооперирования, с объединением мелких хозяйств в крупные коллективные хозяйства, имеющие действительно возможность производительно использовать сложные машины и правильно организовать систему хозяйства“ (стр. 171).

Обостренность положения сельского хозяйства сегодня не должна заставлять нас, оставив этот генеральный путь, или отложив, по крайней мере, искать других, более „практических мероприятий“ по под'ему сельского хозяйства. Это делецкая постановка вопроса. Надо понять, что „продовольственные затруднения этого года с особой остротой подчеркивают обязательность и неотложность организации революции в сельском хозяйстве“ (стр. 172).

Такова совершенно правильная, выдержанная в духе решений партии, постановка вопроса о технической реконструкции, данная тов. Яковлевым в рецензируемой книге.

Тов. Яковлев подвергает обсуждению вопрос: реален ли путь коллективизации крестьянских хозяйств? Дело не в том, сможем ли мы задушить 3—5% кулаков, мерами прямого государственного насилия. Мелкое индивидуальное хозяйство в условиях нэпа естественно рождает капитализм, вместо срезанных кулаков вырастут новые. Вопрос в том, чтобы экономически побороть кулака, противопоставив ему конкурента в лице колхозного движения. Но имеются ли „у нас такие данные, которые показывали бы, что артели, коммуны могут конкурировать с кулацким хозяйством?“ (стр. 15). Выше ли стоят колхозы по уровню культуры, по характеру организации производства, нежели кулацкие хозяйства?

Этому посвящена статья „Очередные вопросы колхозного движения“, занимающая половину книги.

Опираясь на изучение опыта колхозного движения, сравнивая данные колхозов и индивидуальных хозяйств различных социальных типов, автор отвечает на этот вопрос положительно.

Показав на конкретных примерах правильность этого положения, тов. Яковлев переходит к вопросам организации колхозного строительства.

Первый важнейший вопрос о типе хозяйства, который бы действительно обеспечил прогрессивное развитие. Таким типом является крупное машинное хозяйство, а не простая кооперация мелких хозяйств. Крупное хозяйство, обеспеченное достаточно большим земельным фондом, снабженное технически, с правильно организованным севооборотом, — такова задача колхозного строительства. Именно этот тип хозяйства обеспечит выгодность хозяйства, его крепость и высокое качество обобществления. Простое соединение мелких хозяйств не создает обстановки для обобществления труда и как следствие этого — неустойчиво.

Вопрос этот весьма важен, особенно теперь. 1928 год был годом бурного, можно сказать, стихийного под'ема колхозного движения — к моменту с'езда колхозов (июнь 1928 г.) количество колхозов почти удвоилось. Но бурный рост сопровождался изменением лица колхозного движения. Простейшие формы колхозов, товарищества по общественной обработке земли, составлявшие до сих пор примерно 46% всех колхозов, в этом году составляют уже $\frac{3}{4}$. Это создает громадную опасность крепости колхозного движения. „Если в течение ближайшего года — двух мы не добьемся превращения их (товариществ по общественной обработке земли. А. П.) в высшие формы, мы не будем иметь настоящего успеха, мы будем иметь только призрак, улыбнувшийся нам этой весной“ (стр. 66). Эта задача решается не командой, не приказом, а серьезной работой по организации крупного механизированного хозяйства.

Рост колхозного движения, задачи повышения его качества требуют большей работы по организационному обслуживанию этого движения.

Другой организационный вопрос — сбыт колхозной продукции. Надо правильными мерами экономического воздействия заставить колхозы сбывать продукцию государству и кооперации.

Серьезнейший вопрос организации обслуживания колхозов — это агропомощь. Колхозное движение должно быть обеспечено агрономами, без этого не построить механизированного хозяйства. Поэтому в порядок дня встают вопросы подготовки агрономов-колхозников, переподготовки участковых агрономов и т. п.

Внутри колхозов должны быть продуманы и разрешены формы оплаты труда, созданы производственные планы, без чего невозможна рационализация хозяйства.

Усиливая организационную работу, повседневную реальную заботливость о колхозах, мы сумеем разрешить и проблему „дикости“ колхозов, которая стоит еще очень остро. Процент диких колхозов еще очень высок.

Работа тов. Яковлева далеко, конечно, не охватывает всех вопросов колхозного строительства, некоторые из них ставит довольно общо, схематично — в этом слабая сторона книги. Однако, важнейшие проблемы, вокруг которых в ближайшее время должна сосредоточиться громадная работа, поставлены четко и живо. Книга несомненно заслуживает внимания.

Ал. Попов

Опыт исследования коллективного земледелия. Составлено под руководством Д. А. Карпузи и с его введением. Под общей редакцией Н. Л. Мещерякова, изд. „Аграрные проблемы“, Москва, 1928 г., стр. 590. Цена 10 руб.

Говоря о высоте рабочего дохода в фермах различного размера в штате Нью-Йорк, проф. Warren делает такой любопытный вывод: „Наиболее резкие различия в производительном использовании труда обязаны размеру производства. Наши фермы недостаточно приспособлены к нашим машинам. Ферма, правильным образом организованная, имеет значительно больший успех по сравнению с фермой, которая слишком мала“ (Warren, „Farm management“). Эти слова относятся к Америке, где средний размер фермы значительно выше размера нашего крестьянского двора. При той установке на индустриализацию и интенсификацию сельского хозяйства, какие сейчас проводятся у нас, легко оценить тот вред, какой приносит стране подобная распыленность. Переустройство нашего хозяйства с целью сделать его более трудоемким и рациональным — очередная задача дня.

Новые организационные формы, которые уже намечались — коммуна, артель, товарищество. Выяснение их значения — проблема вполне своевременная и ценная. Поэтому нельзя не приветствовать попытку Международного аграрного института изучить хозяйственное положение всех трех вышеупомянутых видов коллективных хозяйств. Материал для опубликованной им работы был собран экспедиционным путем. Исследование не сплошное, а выборочное как в отношении районов, так и в отношении самих хозяйств.

Было взято четыре района: Западный край, Центрально-Черноземная область, Среднее Поволжье и юго-восток. Западный край был представлен Смоленским и Рославльским уездами; Смоленской губ.; Центрально-Черноземная область — Козловским уездом Тамбовской губ. Среднее Поволжье — Саратовским, Камышинским и Вольским уездами Саратовской губ. и АССР немцев Поволжья; юго-восток был представлен Тимашевским, Темрюкским, Краснодарским и Ново-Покровским районами Кубанского округа. Исследователи полагают, что они взяли характерную полосу, где отчетливо можно проследить переход от интенсивных культур к экстенсивным. Считают они и вполне достаточным процент выборки хозяйств, особенно в отношении коммун и артелей, где он колеблется от 7,4% до 45,4% для коммун и от 3,2% до 18,4% для артелей. К сожалению, авторы работы не сообщают, как производился самый отбор, ограничиваясь лаконичным сообщением, что были отобраны типические хозяйства.

Изучение коллективных хозяйств может дать два важных результата: во-первых, в отношении большего или меньшего превосходства

внутренней организации хозяйств, вне зависимости от места их нахождения; во-вторых, в отношении штандартов в различных видах.

Данные исследования позволяют авторам, прежде констатировать повсеместное экономико-организационное превосходство коллективных хозяйств по сравнению с крестьянскими. Чистый доход в крестьянских хозяйствах и в коллективных (в рублях) в его отношении ко всем годовым издержкам и к издержкам на рабочую силу дал следующие величины:

Губернии	В крестьянских хоз.		В коллективных хоз.	
	Ко всем годовым издержкам	К издержкам на раб. силу	Ко всем годовым издержкам	К издержкам на раб. силу
Смоленская	39,2	119,7	49	239
Тамбовская	30,2	50,1	84	274
Саратовская	43,1	113,5	88	290
Кубанский округ	—	—	70	189

Чистый доход на едока в рублях

Губернии Колхозы Крест. хоз.

Смоленская	108	66
Тамбовская	103	34
Саратовская	103	50

Степень механизации крестьянских хозяйств и различных видов коллективных хозяйств видна из следующей таблицы:

Название машин	На 100 хозяйств приходится сложных машин			
	В крестьян. хоз.	Коммунах	Артелях	Товар.
Тракторы	—	80	74,2	66,5
Снопвязалки	—	80	25,7	35,0
Сложные молотилки	9,22	68	22,7	83,3
Жатки	8,20	240	94,2	60,0
Сенокосилки	5,90	120	54,2	50,0
Триеры	—	16	—	—
Сортировки	0,80	100	31,4	16,6
Веялки	36,10	96	108,5	83,3

Вообще же всего с.-х. мертвого инвентаря на 1 гектар посева было:

	В колхозах	В крест. хоз.
Коммуны	31,5	} 27,0
Артели	25,0	
Товарищества	16,9	—
По Смоленской губ	34,8	22,6
„ Тамбовской	37,0	14,5
„ Саратовской	21,9	12,8
„ Кубанск. округу	26,7	—

Необходимо оговориться, что в товариществах данные преуменьшены, так как в расчет вошел лишь обобществленный инвентарь, тогда как весьма часто на общей земле товарищества работают своим инвентарем.

Если теперь от сравнения коллективных хозяйств с крестьянскими перейдем к различным видам самих коллективных хозяйств, то, по мнению авторов работы, следует отметить один важный факт: все показатели интенсивности и продуктивности в коммунах выше, чем в остальных типах колхозов. В среднем по всем обследованным районам мы имеем валового дохода от всех отраслей хозяйства:

	Коммуны	Артели	Товарищества	Среднее
На 1 га	90,7	73,2	82,2	82,2
„ 1 раб.	588,7	475,6	269,9	500,9
„ 1 душу	322,0	246,1	142,6	267,0

Любопытны методы распределения дохода о колхозах и их влияние на эффективность сельских хозяйств. Их несколько.

Во-первых, мы имеем систему полного потребительского коммунизма—распределение происходит вне учета времени и величины проделанной работы. Вторая форма—распределение продуктов с учетом возраста членов колхозов; при чем здесь существует ряд вариантов: равномерное распределение без учета пола и возраста; по величине затраченного труда, — с разными модификациями (равномерное распределение за затраченный рабочий день вне учета пола и возраста; с учетом возраста и пола, но без учета характера работы; с учетом характера работы и вложения труда); с учетом вложенных средств производства — получение дохода на затраченные средства производства и на вложенный денежный капитал. Распределение по потребностям практикуется, главным образом, в земледельческих коммунах. В земледельческих артелях наблюдается большая пестрота, — здесь только 32% артелей распределяет свои продукты по потребностям, но при этом ни одна из них не имеет распределения по потребностям вне учета труда. В отдельных артелях учитывается труд или труд в комбинации с вложенными средствами производства. В земледельческих артелях только 17% хозяйств распределяют свои доходы пропорционально затраченному труду. Остальные исходят из других принципов, в связи с этим обследование отмечает один чрезвычайно интересный факт: вместе с уточнением вопроса вознаграждения за труд, вместе с некоторым уменьшением обобщественности растет забота членов о процветании хозяйств, что выражается в больших размерах вкладываемых средств и в понижении доли наемного труда. Растет и доходность хозяйства.

Второй вопрос — стандартизация коллективных хозяйств.

Надо заметить, что вопрос стандартизации должен сейчас получить особое признание. Вопрос о правильном размещении различных отраслей народного хозяйства по территории и об организационных формах, какие должны быть выдвинуты. При этом размещении есть альфа и омега правильно поставленного планового хозяйства. Доказывать это не приходится.

Рассматриваемое нами исследование ставит и этот вопрос: оно отмечает преимущественное распространение тех или других форм коллективного хозяйства в том или другом районе и выясняет причины этого явления. Оказывается, что по мере перехода от промышленных центров, а следовательно, от Центрально-Черноземной области к району Украины и Северного Кавказа возрастает роль коллективного земледелия. Своего максимума она достигает во всей северной части Украины

и средней и восточной Волги. Район полевого хозяйства, куда исследование относит Уральскую область, Поволжье, Северный Кавказ и Украину, — является районом развития наиболее простых форм кооперативных объединений. При переходе от юго-востока к Центрально-Промышленному району и далее к северо-западу СССР, мы находим все меньшее число сельскохозяйственных товариществ. Сельскохозяйственные артели и коммуны, наоборот, более распространены в районах интенсивного хозяйства. Объяснение этому следует искать в большей или меньшей организационной сложности предприятий.

Интересны данные о социальном составе колхозов. Оказывается, что больше половины всех членов коллектива составляют хозяйства безземельные, безинвентарные и неимеющие скота. Остальная часть — из средне-обеспеченных. Зажиточные элементы представлены весьма слабо.

Поражает, на первый взгляд, значительность использования наемного труда, достигающая в среднем в Смоленской губ. — 32,7% к собственному труду колхозников; в Тамбовской — 38,6%; в Саратовской — 12,2%; в Кубани — 18,9%.

Авторы исследования объясняют это отрицательное явление разными причинами. Расчлененный анализ личного состава нанимаемых лиц показывает, что в их число попали: учителя, счетоводы, конторщики, ремесленники, — лица, обслуживающие сложные сельскохозяйственные машины, сторожа, пастухи и т. п. Это, конечно, несколько снижает удельный вес рабочей силы, занятой непосредственно в хозяйственном производстве. Общее явление — наем лиц последней категории — падает на отдельные, наиболее горячие периоды полевых работ.

Другой факт, мимо которого нельзя пройти, значительно развитая практика сдачи земли и инвентаря в субаренду, при чем колхозы берут при сдаче в субаренду значительно больше, чем платят сами. Поскольку речь идет о субаренде земли, авторы обследования склонны объяснять факт перевыручки колхозов за переаренду тем, что они арендуют, главным образом, выгоны и пахотную землю, а сдают сами, главным образом, сады, огороды и другие ценные сельскохозяйственные угодья.

Интересны и заслуживают внимания способы оценки и выведения относительных величин, практиковавшиеся при проведении обследования и разработке его материалов.

Средне-рыночная цена определялась на основании средне-сезонной с вычетом транспортных издержек до ближайшего рынка. Очень спорный вопрос об оценке благ, не имеющих выхода на рынок, был решен так. При оценке навоза вместо метода оценки по стоимости минеральных удобрений, заменяющих навоз, — или метода оценки путем опроса населения, — была применена оценка по производственному эффекту. Способ этот имеет в своей основе данные опытных станций и производственной значимости навоза в земледелии. Таксационная формула, примененная при исследовании следующая.

$$x = \frac{[(U_n - U_o) \times P_y + (I_n - I_o) \times P_o] - K}{H}$$

где x — оценка навоза франко — усадьба; U_n — урожай первый по навозу культуры при увале H тонн на испытуемый участок; U_o — урожай этой же культуры с этого же участка без его удобрения; P_y — цена единицы продукта первой культуры; I_n — урожай второй по навозу культуры при увале H тонн на испытуемый участок; I_o — урожай второй культуры с того же участка без его удобрения на первую и вторую культуру; P_o — цена единицы продукта второй культуры; K — стоимость вывоза на

воза на испытуемый участок; H — число тонн навоза, положенного по первую культуру на испытуемый участок.

Стоимость пастбищного корма была определена на основании данных зоотехники — из расчета 400 л суходольного сена на половину веса животного.

Рабочая сила сначала высчитывалась в часах — отдельно для зимнего и летнего периодов. Часы переводились в дни из расчета для летнего периода — 10 час., для зимнего 8 час.

Работа женщин и детей перечислялась в мужскую по условным коэффициентам: 1 раб. час женского труда равен 0,8 мужского.; подростка — 0,6 час. мужчины; детей от 11—14 лет равна 0,4 час. мужчины.

Амортизация живого инвентаря определялась по формуле: $x = \frac{CH - LC}{H}$, где x — искомая величина; CH — стоимость в начале года;

LC — ликвидационная стоимость; H — число лет.

Стоимость лошадиной и тракторной тяги определялась по себестоимости, при чем, разумеется, был применен ряд условных допущений.

Все эти моменты нужно, конечно, иметь в виду при оценке табличного материала и выводов, из него делаемых.

В общем, книга представляет собою ценное вложение в исследование колхозного движения.

М. Сиринов

Э. О. Заславский. Влияние минеральных удобрений на повышение урожайности сельскохозяйственных культур. Материалы к построению пятилетнего и генерального плана. Труды Госплана УССР, вып. VI. Издание Укргосплана. Харьков, 1928 г. стр. 118, цена 1 р. 30 к.

Проблема урожайности с.-х. культур, необходимость усилить производство зерновых и технических растений поставили перед страной вопрос о химизации земледелия. А так как среди организационно-технических мероприятий, направленных к подьему урожайности, наиболее видное место занимает применение минеральных удобрений, то естественно вопрос о минеральных удобрениях и широком плане развертывания производства туков и внедрения их в наше сельское хозяйство стал одним из самых актуальных вопросов с.-х. политики. Им занялись и ВСНХ (по линии производства туков) и НКЗ (в своем оперативном плане по внедрению минеральных удобрений в массовое крестьянское хозяйство). Не могла этого вопроса обойти и плановая система. Вполне своевременно Комиссия перспективного планирования Укргосплана поставила перед собой задачу наметить как перспективы самого производства, так и „размах“ применения минеральных удобрений на территории Украины в ближайшее пятилетие (1928—1932/33 гг.). Задуманная Укргоспланом работа распадается на три части. В первой, рецензируемой части выясняется характер и сила влияния минеральных удобрений на повышение урожайности главнейших с.-х. культур Украины (озимые, картофель, сахарная свекла) на основе анализа и агро-технической оценки экспериментальных данных и, конечно, с учетом требований и особенностей удобряемых растений и почвенных типов. Автором этой первой работы является Э. О. Заславский.

Во второй части, имеющей большой в условиях современности интерес, предполагается выяснить экономическую выгодность и возможный в украинских условиях масштаб применения минеральных

удобрений. Другими словами нужно определить при изменяющейся конъюнктуре цен на с.-х. продукцию и снижении себестоимости промышленной продукции рентабельность применения минеральных удобрений, выявить пути массового применения их в крестьянском хозяйстве и тем самым установить уровень потребности республики в туках на весь период пятилетия.

Третья часть задуманной Укргоспланом и планомерно проводимой работы должна выяснить „состояние и перспективы развития туковой промышленности“. Вопросы самого производства минеральных удобрений на Украине, техническая реконструкция промышленности, ее рационализация, удешевление производства минеральных удобрений, — все это должно составить тему третьей части. При этом Укргосплан не склонен недоучитывать возможности широко развернуть производство минеральных удобрений у себя на Украине и в перспективе вопрос организации туковой промышленности вокруг Днепростроя с использованием новейших методов производства.

Пока издана первая часть, обе остальные должны появиться в ближайшее время. Вся работа Э. О. Заславского (вып. VI) разбита на четыре раздела. В первом общем он дает несколько беглых критических замечаний о материалах, положенных в основу работы, отмечает (правда, довольно бегло и поверхностно) значение минеральных удобрений, выясняет значение почвенных типов и разновидностей и отделяет те с.-х. культуры, по отношению к которым эффект от применения минеральных удобрений наиболее вероятен. В трех последующих главах автор отдельно разбирает фосфорнокислые (II), азотистые (III) и калийные (III) удобрения, рассматривая каждое из этих удобрений в отношении их подвидов (суперфосфат, томасшлак, костяная мука, фосфориты, селитра, сернокислый аммоний и т. п.), проверяет их действие в комбинации с навозным удобрением, особенно останавливаясь на размере (абсолютном) действия минерального удобрения, внесенного в той или иной форме. Все это строго локализуется: место действия (лесостепь право-и левобережье, степь и полесье) определено, почвенные типы более или менее выявлены. В этих же посвященных отдельным тукам главах говорится о дозировках, где допускает материал, об устойчивости эффекта, о „последействии“ минерального удобрения, т.-е. эффекте II и III года, о влиянии тука на выход основных элементов продукции (сахаристость свеклы и содержание крахмала в картофеле). Нельзя при этом не отметить слабого освещения вопроса о применении калийных удобрений: нет достаточно надежного материала. Не ясны и перспективы в этом интересном для СССР в виду богатств наших калием направлении.

Попыткой осветить вопрос о продуктивности минеральных удобрений у нас и в Германии, данной Э. О. Заславским в исключительно обобщенном и весьма неполном виде на стр. 116—118 книги, она заканчивается.

Общее впечатление от этого издания Укргосплана складывается в его пользу. Но книга сыровата: на ней следы большой спешки. Так, приходится отметить некоторую недоработанность темы в основных вопросах. Автору, использовавшему довольно богатый (пусть не совсем надежный) материал опытных учреждений и сети коллективных опытов, следовало бы перед построением многочисленных таблиц дать кроме почвенной (более подробной) характеристики, которая, кстати сказать, не везде дана, и агрокультурную оценку „места применения“, т.-е. оттенить состояние пашни, ее распаханность, степень удобренности и т. д. Мало сказать, как это делает автор на стр. 38, „что Ивановская опытная станция расположена на экономиче-

ских, ранее систематически удобрявшихся навозом, землях". Этот вопрос агрономической оценки арены действия минеральных удобрений требует большего углубления и оттенков при оценке. То же следует сказать и о почвенных типах. Почва в вопросе об эффективности минеральных удобрений — фактор наиболее сильного действия. Нельзя говорить о фоне действия в виде серых лесных земель и делать выводы об эффективности туков по этому фону для различных культур. Группа серых лесных земель — сборная группа. И тут нужна была хотя бы грубая агрономически-дифференцированная оценка этой сборной группы в отношении потребности в минеральных удобрениях и реакции почвы на них. Этот недостаток, повидимому, чувствует и сам автор (см. примеч. на стр. 15).

Проблема минерального удобрения и севооборота почти совсем не затронута автором. А эту проблему даже при недостаточности материалов так просто „отставить“ нельзя было. Неясно стоит вопрос о действии минеральных удобрений при систематическом внесении в почву органического вещества: автор даже не приблизил читателя к теме (правда, весьма проблематичной) о безнавозном хозяйстве.

Составляя перечень изучаемых (по эффекту действия и минеральных удобрений), автор „сознательно“ (как он сам пишет в предисловии к книге) остановился на озимых культурах, картофеле и свекле. Не совсем ясно, почему?

Если даже исходить из реально удовлетворяемой рынком производства и сбыта потребности в туках, то следовало ли обратить внимание на вопрос об овсе, травах? Автор должен был в своем анализе избегать рецептуры и „ограничительных“ установок. Вся тема взята им статически: констатация и выводы — основное содержание книги Э. О. Заславского. Но не коснуться вопроса о дозировке минеральных удобрений даже в грубой, предварительной постановке он не мог.

Кстати о выводах Э. О. Заславского. К числу больших достоинств его книги нужно отнести строгое районифицирование. Действие минеральных удобрений на территории Украины изучается по районам, что делает установку темы совершенно конкретной.

Этой работе, несколько как будто сыроватой, спешно собранной и в отношении к поставленной теме, не совсем отделанной, нельзя отказать в одном: в ней умелой рукой собран богатый материал, в меру систематизированный, даны выводы о действии минеральных удобрений на урожайность отдельных культур, выводы достаточно убедительные, веские и оперативно-ценные. В вопросе минерализации земледелия Украины их аргументирующее значение несомненно. Может быть, для некоторых оперативных установок и плановых построений в вопросах химизации страны данного в этом издании Укргосплана материала будет достаточно. По выходе в свет остальных двух частей (о них см. в начале рецензии), трактующих вопрос о минеральных удобрениях не только с точки зрения изучения их влияния, т.-е. момента статического, а знакомящих нас с динамикой вопроса минерализации земледелия в масштабе развертывающейся на Украине туковой промышленности и усиленного внедрения минеральных удобрений в крестьянское хозяйство после появления этих, уже „собираемых“ книг вопрос о минеральных удобрениях и их массовом применении в условиях Украины будет развернут и получит полное и разностороннее освещение. Несомненно, тема Укргоспланом поставлена и намечена как нельзя более своевременно. Будем ждать от Укргосплана дальнейших успехов в области проработки отдельных, организационно связанных вопросов одной из основных проблем агрикультурного под'ема нашей страны — проблемы химизации земледелия.

М. Лучебуль.

Проф. Е. В. Оппоков. Днепрострой и развитие производительных сил Украины. Очерк, составленный по поручению Орг. Бюро Комитета Всесоюзного с'езда 1928 г. по изучению производительных сил. Издание Научно-исследовательского института водного хозяйства Украины. 1928 г. Цена 40 к.

Автор рассматривает проблему Днепростроя, как комплексный план преобразования транспорта, промышленности и сельского хозяйства Украины, с могущественным воздействием нового источника энергии на под'ем всего народного хозяйства СССР.

Отмечая, что Днепрострой в целом должен не только обеспечить выполнение энергетических задач будущего промышленного района, с непрерывным транспортом по Днепру, но и разрешить проблему широкой мелиорации Нижнего Приднепровья, проф. Оппоков указывает, что увязка в проектировке Днепростроя противоположных отчасти интересов отдельных сторон народного хозяйства представляет особые трудности. Подходя с этой точки зрения к оценке имеющегося проекта, проф. Е. В. Оппоков делает вывод, что интересы судоходства, промышленности и сельского хозяйства не всегда согласуются в нем и что интересы промышленности преобладают над остальными. Неувязка отдельных сторон нового грандиозного комбината наиболее ярко проявляется, по мнению проф. Оппокова, в отношении сельского хозяйства юга Украины, интересы которого отходят на задний план по сравнению с обслуживанием будущей промышленности. Между тем, дешевая энергия Днепростроя дала бы возможность осуществить широкую ирригацию юга Украины, необходимую для обеспечения будущего благосостояния богатого по природе, но маловодного в южной своей части края.

В своем очерке автор с наибольшей подробностью останавливается именно на этой стороне проблемы Днепростроя. Считая, что доходность то мелиорации будет примерно в 6 раз больше, чем экономия от замены паровой энергии гидравлической в промышленности (стр. 15), проф. Оппоков подвергает критике проект Днепростроя в виду незначительности намечаемой площади орошения. Взамен этого им предлагается схема орошения около 2 млн. га земли, с затратой на это приблизительно 300 млн. руб. Автор признает, что такая широкая ирригация выходит за пределы Днепростроя в современном его понимании, но в то же время он утверждает, что эта проблема непосредственно связана с Днепростроем и поэтому требует уже теперь определенного решения, в виду необходимости обеспечить значительный запас мощности гидростанции.

Заострение автором вопроса о значении Днепростроя, как фактора урожайности, заслуживает серьезного внимания, в связи с соображениями о будущем положении Украины, как поставщика хлеба на рынок, и в связи с постановкой на очередь проблемы ирригации в засушливых районах (схема ирригации Заволжья).

Обоснование нужд сельского хозяйства в системе Днепростроя составляет центральную часть рассматриваемой работы. Эта глава написана с большим под'емом и представляет наибольший интерес. К сожалению, нельзя сказать того же про другие части книги, относящиеся к промышленности и транспорту. Эти главы представляют сухие обзоры, составленные к тому же по устарелым для современного момента данным.

В отношении промышленности приводимый перечень возможных потребителей энергии Днепростроя и расчеты стоимости этой энергии, конечно, не дают представления о гигантском сдвиге, вызываемом Днепростроем в народном хозяйстве Союза. Что же касается транспорта, то остается невыясненным, в чем заключается недостаточная внимательность

Днепростроя к его интересам. Расчетный грузооборот Днепра приведен в преувеличенных против современных исчислений размерах. Оптимистический прогноз будущего развития хлебного грузооборота основывается в значительной степени на осуществлении выдвигаемой автором схемы ирригации. Целый ряд транспортных вопросов большого значения остается совершенно без освещения. Сюда относится, например, весьма актуальный для Днепростроя вопрос о районах тяготения Одесского и Херсонского портов. Неравномерность в разработке отдельных частей очерка умалет его значение, как программной работы, долженствующей осветить роль Днепростроя в развитии производительных сил Украины.

Г. И. Остроглазов

Проф. Г. С. Гордеев. Обезземеливание американского фермера, процессы дифференциации. Изд. „Новый Агроном“, Москва, 1928 г., стр. 244. Цена 2 руб. 90 коп.

Книга проф. Гордеева, изданная при содействии Международного Аграрного Института, представляет своевременную и ценную попытку осветить социально-экономические проблемы американского сельскохозяйственного развития. Автор справедливо подчеркивает, что первым, кто обратил внимание исследователей на чрезвычайную показательность аграрной эволюции Соед. Штатов в направлении капиталистического переустройства сельского хозяйства, был В. И. Ленин. В частности, В. И. писал, что „зависимость фермеров от финансового капитала могла бы и должна была бы обратить внимание исследователей. Но эта сторона вопроса, несмотря на ее громадную важность, осталась в тени“. Этот пробел автор рецензируемой книги с успехом заполнил, и его труд является ценным вкладом в марсистско-ленинскую литературу по аграрному вопросу. На основании очень большого материала, собранного им во время научной командировки в Соед. Штаты, автор прослеживает процесс обезземеливания американского фермера, т.-е. лишения его права собственности на обрабатываемую землю и превращения его или в фермера-арендатора, или наемного батрака. Автор справедливо считает необходимым проследить указанный процесс с его, так сказать, начальной стадии, т.-е. от условий первоначального приобретения американским фермером-собственником своей земли. Картина захвата капиталистическими „интересами“ громадной части свободного земельного фонда страны и перепродажи потом участков колонистам по вздутым земельной спекуляцией ценам, картина опережения текущей доходности земли со стороны рыночных цен на нее, картина беспрестанной купли-перепродажи земли в Соед. Штатах нарисована автором очень живо и поучительно. В отмеченных явлениях автор усматривает исходные ростки позднейшей дифференциации американского фермерства. Дальнейший анализ приводит автор к промежуточной, так сказать, стадии процесса обезземеливания, к растущей задолженности фермера-собственника. За последнее человеческое поколение число заложенных ферм повысилось на 62%, а их процент к общему числу ферм на 10%, платежи же с 1 акра поднялись с 1,1 долл. до 2,5 долл. Интерпретируя этот процесс, автор пишет: „Реконструкция американского сельского хозяйства была произведена благодаря притоку в него миллиардов долларов. Миллиарды протолкнули хозяйство по пути развития, а тем самым усилили процессы отбора и просеивания. При слабом развитии сельского хозяйства фермы различной мощности могли мирно уживаться вместе в течение десятилетий. Вытеснение одного размера хозяйства другим требовало времени.

Иное получается с прогрессом сельского хозяйства... Конъюнктурные колебания могут срезать не только доход фермера, но и его заработную плату... На рынке не спрашивают, сколько стоило производство в мелком хозяйстве, там не интересуются тем, что оно переинвентаризировано, не имея в то же время хороших машин, перенаселено, не имея надлежаще квалифицированной силы. Рынок платит по среднеобщественным условиям производства. Затрачивая больше, но получая меньше, такое хозяйство должно уступить другому типу, более сильному, экономически более приспособленному. „Автор справедливо уделяет особую главу послевоенному сельскохозяйственному кризису — той конъюнктурной конвульсии, которая, как ураган, смела десятки тысяч обанкротившихся хозяйств (примерно, 35 тысяч лиших банкротств среди фермеров Соед. Штатов за 1918—1926 гг. по сравнению с довоенными нормами). После этого очистительного урагана началась новая мощная волна механизации, создающей экономические преимущества для крупноземельного хозяйства. Последняя подтема автором разработана недостаточно, а между тем, она представляет большой интерес. Стоит только вспомнить слова небезызвестного у нас Кампбеля, который утверждает, что многие фермеры, живущие по соседству с его сверхмеханизированным пшеничным хозяйством, предпочли отказаться от своей независимости и зарабатывать у него по 6 долл. в день в качестве батраков. Крайне любопытны также сдвиги в области молочного скотоводства и птицеводства — этих статей мелкого сельскохозяйственного производства. Под влиянием дороговизны рабочей силы машинная дойка коров получила в последние годы большое распространение в Соед. Штатах, а вместе с машинной дойкой создано крупное преимущество для многоскорного хозяйства, — не говоря уж о той выгоде, которую крупное молочное хозяйство представляет в смысле возможностей браковки стада. В птицеводстве борьба крупного хозяйства с мелким проявилась особенно рельефно. Лозунг укрупнения хозяйства, как метод борьбы с переживаемым американским сельским хозяйством кризисом рентабельности, был недавно выдвинут Комиссией бизнесменов, отображающей взгляды крупного промышленного и банковского капитала на аграрный вопрос. Сплошь и рядом борьба крупного и мелкого хозяйства разыгрывается не в пределах географического соседства. Крупное калифорнское птицеводство побивает мелкое птицеводство шт. Охайо, будучи отделено от него на расстоянии многих тысяч километров, крупное хлопководство западного Техаса, работающее с помощью трактора и механической уборки урожая, побивает мелкое хлопководство Каролины или Джорджии, находящиеся на большом расстоянии от первого. Капиталистическое садоводство Калифорнии и Флориды конкурирует ассортиментом и дешевизной не только с мелкими садами востока, но и с отсталым садоводством Италии и Испании, создав в последних серьезный кризис. Надо надеяться, что при переиздании своей книги проф. Гордеев уделит должное внимание этой стороне вопроса. В качестве последней подтемы своего труда автор дает подробный и интересный анализ готового, так сказать, продукта процесса обезземеливания и социальной дифференциации, а именно — американского арендатора. Автор обстоятельно изучает сущность и социальную природу американской земельной аренды, ее экономические корни и зависимости. Автор констатирует рост земельной аренды в Соед. Штатах и критикует мнения американских агрономистов, пытающихся понять аренду, как промежуточную стадию по пути к независимому фермерствованию, как одну из ступеней подъема по социальной „лестнице“. Теория лестницы, по мнению тов. Гордеева, несостоятельна. Число старых арендаторов не меньше числа молодых,

и растет даже быстрее первого. Большинство арендаторов обречено на то, чтобы никогда не увидеть верхушки лестницы. Проекты протолкнуть арендатора к этой верхушке с помощью кредита автор считает утопическими, так как условия доходности хозяйства не позволят фермеру вылезть из долговой зависимости. Автор доказывает, что по линии земельной аренды в Соед. Штатах проходит основной разрез классовой дифференциации фермерства, при чем он приводит интересные данные о социально-бытовых различиях во всем укладе жизни фермеров-собственников и арендаторов. Также и эта подтема заслуживает более полной разработки в последующем издании книги. В частности, чрезвычайно любопытно, с точки зрения классовых различий, проследить позицию собственников и арендаторов в строительстве кооперации. Особенно бросается в глаза конфликт интересов между арендаторами и собственниками в борьбе табакотодов против всемогущего табачного треста, борьбе, полной драматических моментов. В качестве приложения к книге автор дает очерк сельскохозяйственного районирования Соед. Штатов. Интерес этого очерка в том, что он помогает лучше понять многие явления американской аграрной эволюции, которые автор в основных частях книги трактовал в несколько суммарном виде (особенно это относится к вопросам аренды, где смешение данных по югу и по северу чрезвычайно спутывает картину).

В заключение необходимо отметить, что в тексте имеются и небрежные выражения. Так, приведем только один пример, на стр. 56 автор пишет: „движение фермерской ценности и задолженности“, имея в виду движение ценности ферм и тяготеющего над ними долга.

Несмотря, однако, на эти внешние недостатки, труд проф. Гордеева заслуживает серьезного внимания, как первое у нас оригинальное исследование социальной экономики американского сельского хозяйства. Можно пожелать книге скорейшего распространения.

И. Гершман

НОВЫЕ КНИГИ

Г. М. Кржижановский, Г. Ф. Гринько, Э. И. Квиринг. Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства на 1928/29 год. Изд. „План. Хоз.“ М., 1929, стр. 211, цена 1 р.

Это издание включает четыре работы: Г. М. Кржижановского — „О контрольных цифрах народного хозяйства“ (из доклада Пленуму ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 г.), Г. Ф. Гринько — „Под знаком великих задач“, Э. И. Квиринга — „Основные вопросы плана капитального строительства на 1928/29 г.“ и Г. Ф. Гринько — „Некоторые итоги обсуждения контрольных цифр“. Кроме того, в книжке приводится записка Сел.-Хоз. секции Госплана на тему „Вложения в сельское хозяйство“.

Сырьевые проблемы промышленности. Сборник статей и материалов. Под общей редакцией А. Л. Соколовского. ГИЗ, 1928, стр. 542, цена 7 р.

Составленный из двух частей настоящий сборник в первой текстовой части освещает основные вопросы сырьевого хозяйства Союза и общее состояние сырьевых культур и отраслей. Во второй части дается цифровое выражение сырьевых проблем промышленности (балансы сырья, цены, индексы, эквиваленты сырья и т. д.).

П. Лежнев-Финьковский. Индустриализация страны и развитие зернового хозяйства. ГИЗ, 1928, стр. 178, цена 65 к.

Внимание автора настоящей работы сосредоточено, главным образом, на проблеме развития зернового хозяйства СССР. На ряду с этим он останавливается на вопросе повышения урожайности, являющемся одним из основных в общей проблеме развития зернового хозяйства Союза.

Ф. К. Галевиус. Совхозы в системе социалистического строительства. Изд. „Новая Деревня“. М., 1928, стр. 134, цена 1 р. 70 к.

Настоящая работа представляет краткое изложение основных моментов и этапов строительства совхозов за первое десятилетие Октябрьской революции. Вместе с тем, в ней дается анализ некоторых внутрихозяйственных организационных и технических сдвигов, происшедших за это время в экономике совхозов.

И. А. Трахтенберг. Современный кредит и его организация. Часть I. Теория кредита. Изд. Комм. Академии, стр. 309, цена 3 р. 35 к.

Настоящая книга является первой частью подготовляемого автором к изданию трехтомного исследования, посвященного теоретическим и практическим проблемам современного кредита и его организации.

А. Лушицкий. Система сельскохозяйственного кредита и пути его рационализации. Изд. Центр. Сельбанка. М., 1928, стр. 159, цена 1 р. 75 к.

Работа А. Лушицкого является попыткой дать анализ работы системы сельскохозяйственного кредита за время ее существования и возможности наиболее полного удовлетворения потребностей сельского хозяйства Союза.

А. И. Диков. Крестьянские хозяйства после пяти лет нэпа. Изд. Воронежского ГубЗУ, стр. 162, цена 1 р. 50 к.

Цель настоящей работы — осветить ряд моментов организационного и народнохозяйственного порядка, характеризующих современное состояние крестьянского хозяйства Воронежской губернии на основе данных бюджетно-счетоводной записи 48 крестьянских хозяйств.

Северная деревня. Материалы обследования 2.056 крестьянских хозяйств Архангельской губернии. Изд. Архангельского Губкома. Архангельск, 1928, стр. 110, цена 60 коп.

В настоящей работе, являющейся результатом произведенного коллективного опроса 2.056 крестьянских хозяйств различных районов Архангельской губернии, выявлены наиболее характерные черты дифференциации крестьянства губернии с точки зрения экономических и социальных отношений.

А. Гершенштейн. Существуют ли большие циклы конъюнктуры. Изд. Комм. Академии. М. 1928, стр. 84, цена 90 коп.

Книга А. Гершенштейна посвящена критике взглядов проф. Кондратьева, изложенных им в ряде его работ и литературных выступлениях на ту же тему.

Д. И. Опарин. Конъюнктура и рынки (Опыт построения схематической экономики обмена). Изд. „Техника Управления“. М. 1928, стр. 390, цена 2 р. 75 к.

Настоящая работа представляет собой популярное изложение методов наблюдения экономических процессов и их основных элементов (вековые тенденции, длительные колебания, сезонные вариации), а также приемов выявления зависимости явлений.

Проф. К. Г. Воблий. Опыт истории свекло-сахарной промышленности. Том I. До освобождения крестьян. Изд. Правления Сахаротреста. М. 1928, стр. 412, цена 5 р.

Настоящий том охватывает период в развитии свекло-сахарной промышленности до падения крепостного права (период помещичьей, вотчинной, крепостной сахарной фабрики), разработанный на основе архивных материалов.

П. Шаров. Влияние экономики на исход мировой войны 1914—1918 гг. ГИЗ, 1928, стр. 174, цена 1 р. 50 к.

Автор ставит вопрос о командном значении экономики в современных войнах и ее влиянии на исход последней мировой войны. В книге дана характеристика военной экономики всех стран, принимавших участие в мировой войне, а также сравнение их боеспособности.

М. Гольман. Всеобщий кризис капитализма. Изд. Комм. Академии. М. 1929, стр. 71, таблицы и диаграммы, цена 1 р.

Освещая в первых четырех главах теоретические основы проблемы всеобщего кризиса капитализма в свете взглядов Маркса, Энгельса и Ленина, автор в последующей части работы останавливается на характеристике конкретного содержания всеобщего кризиса последнего 25-летия и, в частности, на противоречиях „вялого“ оживления 1922—28 гг. (частичной стабилизации).

М. М. Кривицкий. Теория заработной платы германской с.-д. Изд. Комм. Академии. М. 1929, стр. 68, цена 85 к.

Автор анализирует основные моменты теории заработной платы современной германской с.-д., рассматривая их под углом зрения противоречий внешнего их оформления с фактическим содержанием совпадающим с интересами господствующих классов.

Г. Циперович. Международные монополии. Картели, тресты и концерны. ГИЗ, 1929, стр. 259, цена 3 р.

Работа Г. Циперовича состоит из двух основных частей. Первая посвящена международным капиталистическим монополиям до войны 1914 г. (история их возникновения и развития по отдельным отраслям хозяйства), а вторая — международным капиталистическим объединениям послевоенного периода.

Абани Мухарджи. Аграрная Индия (Abani Mukherji Rural India). Перевод Ст. Вольского с англ. Изд. Комм. Академии. М. 1928, стр. 407, цена 4 р. 35 коп.

Монографическое исследование А. Мухарджи посвящено выявлению политических и социально-экономических особенностей современной Индии и роли отдельных классов страны в развертывающейся борьбе за индийскую независимость. Отдельное место отведено аграрным отношениям и классовой борьбе в индийской деревне.